

Г.Л.Тульчинский

Региональное измерение PR как Public Relations и Public Responsibility

Обычно, когда речь заходит о региональных аспектах PR, дело сводится или к работе пресс-службы региональной администрации, или к формированию и продвижения бренда региона.

Представляется, что такой подход является проявлением сведения PR к однонаправленному информационному воздействию, причем, преимущественно с помощью СМИ. Однако, из теории и практики PR хорошо известно, что ресурсы информационного манипулирования и медийных ресурсов ограничены. Рано или поздно, но вызывает представление о PR как технологии ответственного социального партнерства, практически со всеми контактными группами социальной среды. И, если это относится к корпоративным PR, то тем более – к PR в региональном масштабе.

Особенно убедительно это видно на примере современной российской «проблемы моногородов». Проблема реструктуризации и развития монопрофильных городов, экономика которых зависит от испытывающих проблемы или просто ставших неконкурентоспособными предприятий, является не только чрезвычайно острой в социально-политическом плане. Она важна и в плане осмысления теоретических моделей и технологий регионального развития.

История вопроса

В настоящее время четкого определения термина «моногород» не существует. В отечественной практике понятию моногорода близок термин «город-завод», что предполагает существование теснейшей связи между функционированием городского поселения и предприятием, достаточно крупным, чтобы влиять на все основные аспекты жизни города. Такое предприятие называется градообразующим. Существующая нормативная правовая база содержит различные положения, закрепляющие понятие градообразующих предприятий. Так, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 29 августа 1994 г. № 1001 Приложение определяет градообразующее предприятие как предприятие, на котором занято не менее 30% от общего числа работающих на предприятиях города, либо имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30% проживающих в населенном пункте. В то же время, в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» зафиксировано, что градообразующими признаются предприятия, численность работников которых с учетом членов их семей составляет не менее 50% численности населения соответствующего населенного пункта.

Указанное расхождение в понятиях «градообразующее предприятие» вызвано отсутствием методологических исследований по определению критериев отнесения населенного пункта к моногороду. Например, почему предприятия, у которого численность работников и членов их семей составит 49,9% от населения города, не является градообразующим, вряд ли кто-нибудь объяснит. По мнению экспертов Минрегиона, город можно называть монопрофильным, если присутствуют следующие признаки:

- наличие в городе одного или нескольких однотипных предприятий, относящихся к одной отрасли, или обслуживающих один узкий сегмент отраслевого рынка, притом, что остальные предприятия города обслуживают только внутренние нужды города или проживающих в нем людей;

- наличие в городе цепочки технологически связанных предприятий, работающих на один конечный рынок, кроме предприятий, обслуживающих внутренние нужды города;
- значительная зависимость доходной части бюджета города от деятельности одного (или нескольких) крупных предприятий;
- низкая диверсификация сфер занятости населения города (однородный профессиональный состав);
- значительная удаленность города от других, более крупных населенных пунктов (что снижает возможности мобильности жителей), при наличии в городе первых двух признаков или отсутствие развитой инфраструктуры, обеспечивающей связь города с внешним миром (дороги автомобильные и железные, телефонная сеть и т.д.).

Моногорода традиционны для российской экономики. Первое массовое образование моногородов в России началось еще во время первой волны индустриализации эпохи Петра I. Организация новых производств, и в первую очередь, суконных мануфактур и железоделательных заводов в зонах освоения (Тула, Урал, Подмосковье), требовала много рабочих рук. Однако свободных кадров как таковых в России не существовало. Поэтому к заводам либо приписывались казенные крестьяне, либо приобретались крепостные на вывоз или использовались войска и каторжные работники. Поэтому изначально образовывались заводы-поселки, часть из которых развились в крупные промышленные центры (такие как Челябинск, Тула, Златоуст), другая же часть так и осталась в состоянии моногорода (такие как Ирбит, Аша и др.). Тогда же возникли и первые моногорода на Северо-Западе России.

Второе массовое развитие моногородов связано с развитием легкой промышленности («ситцевого капитализма») России. Были созданы мануфактуры, которые располагались преимущественно в Центре России и использовали труд крестьян в зимнее время, как отхожий промысел с последующим переходом на постоянную работу. В это время возникают такие города как Дрезна, Шуя, Орехово-Зуево, Павлов Пасад. В сфере народных промыслов образуются центры производства за счет укрупнения деревенских промыслов: Семенов, Гусь-Хрустальный, Первомайский (фарфоровый завод Попова), Гжель. В это же время образуются шахтерские города-поселки вдоль трассы Транссибирской магистрали в целях снабжения углем паровозного парка.

Количество моногородов резко возросло в советское время в условиях развития и функционирования плановой экономики СССР. Во времена сталинской индустриализации возникновение моногородов происходило в небольшой степени, так как производства или реконструировались, или создавались сразу как комплекс предприятий, имеющий одно или несколько головных предприятий (напр. Магнитка, Воркута, Новокузнецк, Апатиты и др.). Значительное число моногородов возникло в военное время за счет эвакуированных предприятий, причем позднее ряд монопоселков слился с близрасположенным городом (Безымянка и Куйбышев, Танкоград и Челябинск), а ряд предприятий стали градообразующими (Шадринск – за счет эвакуации части ЗИЛа из Москвы и т.д.).

В послевоенный период в размещении производительных сил проявилась тенденция рассредоточения производства из крупных городов и активного привлечения рабочей силы из местного и сельского населения. Система советского капитального строительства из-за постоянного дефицита продукции была направлена на строительство новых мощностей, а не реконструкцию старых объектов, чем объяснялось активное строительство новых производств в малых и средних городах, где подобные предприятия по существу становились градообразующими (например, Ковдор, Оленегорск, Кингисепп, Пикалево и т.д.).

Развитие научно-технического и военного потенциала страны повлекло за собой создание наукоградов, ЗАТО. Первый эксперимент был опробован в Академгородке в Новосибирске. Позже были созданы города Дубна, Обнинск, Протвино, Троицк, Черноголовка, Зеленоград и другие.

Таким образом, структура моногородов в России стала представлять собой довольно сложный конгломерат городов, различных по численности (от городов типа Байконура, Тольятти, Саяногорска, Костомукши до районных городов и поселков городского типа), по сложности производства и квалификации жителей - (от Троицка и Обнинска до Шумихи и Острова).

Своевременное реагирование на изменяющийся вызов общества и переориентация производства поможет моногородам не только решить сегодняшние проблемы, но и избежать кризисных ситуаций, как в экономической, так и в социальной сфере, а в масштабах нашей страны вывести из зоны риска 20-30% ВВП.

Таким образом, возникновение в структуре российской экономики моногородов является определенной закономерностью, которая как таковая не может быть однозначно оценена положительно или отрицательно. Это специфичный для России способ адаптации размещения производительных сил к особым климатическим и географическим условиям страны. При этом ряд предпосылок такого устройства хозяйственной деятельности сохраняется и даже усиливается в настоящее время в силу повышения экономических барьеров, препятствующих миграции населения из региона в регион.

Кризис 2008-2009 годов резко обострил ситуацию вокруг моногородов. События в Пикалево (Ленинградская область) стали событием федерального порядка. Задача вести мониторинг ситуации в моногородах, держать вопросы их развития на постоянном контроле была возложена на Минрегион РФ. При Министерстве регионального развития в 2009 году была создана Межведомственная рабочая группа, к работе которой были привлечены ведущие эксперты и организационные ресурсы Союза российских городов. В феврале 2011 года Президент РФ объявил о персональной ответственности губернаторов и муниципальных властей за создание рабочих мест в моногородах.

Моногорода сегодня

В России насчитывается более 300 монопрофильных населенных пунктов, в которых проживает около 15% населения.

Если проанализировать градообразующие предприятия, то станет понятным, что в своем большинстве они в значительной мере определяют структуру российской экономики и ее конкурентноспособность. Это крупнейшие предприятия черной и цветной металлургии, оборонной и химической промышленности, топливно-энергетического комплекса, ведущие машиностроительные заводы. Поэтому можно сказать, что переход России на инновационные пути развития будет во многом зависеть от модернизации моногородов и градообразующих предприятий.

Моногорода весьма неравномерно распределены по территории России. Наибольшее количество моногородов сосредоточены в Уральском (Свердловская и Челябинская области) и Приволжском (Самарская, Нижегородская области, Пермский край) округах. Наряду с крупными городами, такими как Тольятти, Набережные Челны, Липецк, Новокузнецк, где численность населения превышает 500 тыс. человек, основную массу (110 городов) составляют города с численностью от 5 до 20 тыс. человек. В 335 моногородах сосредоточено 442 градообразующих предприятия, многие из которых являются частью крупных холдингов таких как ОАО «СУЭК», ОАО «Северсталь», ОАО «Базовый Элемент», ОАО «Метчел» и ряда государственных концернов «Ростехнологии», «Росатомэнерго», филиалами и дочерними предприятиями таких как «ОАО РЖД», ОАО «Газпром». По ряду отраслей в моногородах сосредоточено до 70% мощностей. Основные направления деятельности предприятий связаны с отраслями металлургии, машиностроения, добычи и переработки природных ресурсов.

Отличительной чертой монопрофильных городов является большая зависимость от конкурентноспособности одного градообразующего предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих свою деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, отсутствие финансовых и других ресурсов для решения

социально-экономических проблем в критической ситуации. Именно поэтому часть моногородов, связанная с предприятиями сырьевого и инвестиционного комплексов, и машиностроения, наиболее сильно испытала на себе последствия мирового экономического кризиса.

Конечно же, наличие специальной государственной программы и механизмов реструктуризации экономики моногородов, как и любых депрессивных территорий и муниципальных образований существенно облегчает решение их проблем. Однако опыт работы Министерства регионального развития РФ по проблеме реструктуризации и развития моногородов убедительно показывает, что каждый город из выделенных 335, в том числе 27, которые находятся в кризисной ситуации, имеет свою неповторимую, уникальную судьбу. Единого, универсального для каждого из них решения нет, и просто не может быть.

А главное, - на примерах этих городов, как под увеличительным стеклом, фокусируются и выпукло, до очевидности ясными предстают все главные проблемы российской экономики и общества, связи, механизмы и процедуры взаимодействия бизнеса, государства, организованной и неорганизованной общественности. И в этом, наверное, и заключается важность и поучительность как возникновения проблем, так и их развития, и, особенно – путей решения, поиска способов, алгоритмов таких решений. Осмысление этого опыта важно и для преодоления сложившихся стереотипов, несостоятельность и бесперспективность, а то и опасность которых становится также очевидной именно на примере моногородов.

Опыт и проблемы

Министерством регионального развития был запущен процесс создания механизма федеральной поддержки монопрофильных муниципальных образований, в основу которого была положена разработка Комплексных инвестиционных планов модернизации монопрофильных муниципальных городов Российской Федерации (КИП). Принципиально новым обстоятельством, введенным в практику муниципального управления вышеуказанной методикой, стало отчетливое ориентирование процесса управления на выявление ключевых рисков муниципального образования, как единого хозяйственного комплекса, и перевод их из категории неуправляемых в категорию управляемых рисков, выстраивание парирующих мер в виде проектов развития (инвестиционных проектов, построенных на механизмах частно-государственного партнерства в условиях недостатка федеральных средств и необходимости обеспечения эффективности бюджетных средств).

Впервые за последние десятилетия начата деятельность по разработке системного решения накопившихся социальных проблем, основным принципом которого является поддержка только тех инновационных проектов и программ, которые позволяют обеспечить устойчивое развитие моногородов в долгосрочной перспективе.

Опыт показал, что выстраиваемые инвестпроекты в рамках КИП должны базироваться на главной задаче: выводе моногорода из зоны неуправляемых рисков, переходе в режим воспроизводства и обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Это достигается путем реализации инвестпроектов, обеспечивающих модернизацию городской экономики.

Разумеется, ключевым моментом является оценка эффективности конкретных проектов. И, что важно, впервые в отечественной практике финансовая поддержка средствами бюджета оказывается не просто в виде транша, а в договорном режиме: каждый конкретный проект дополняется системой взаимных обязательств.¹ И речь идет

¹ Это открывает возможность использования имеющихся зарубежных и отечественных наработок в оценке эффективности всего проекта, конкретных взаимных обязательств. Например, см.: Программа «Эффективные социальные инвестиции и социальное партнерство» М.-СПб-Н.Н.: ВЦИЭСТ, 2008. – 48 с. Авторское свидетельство РАО № 13449 от 18.03.2008 г.; Тульчинский Г.Л. Корпоративная социальная ответственность (Социальные инвестиции, партнерство и коммуникации). СПб, 2006. – 104 с.

не просто о «спасении» несостоятельных городских экономик, а в их реструктуризации, выявлении возможностей роста и формирования нового уровня и качества жизни, в идеале – новых точек роста.

Опыт разработки первых комплексных инвестиционных планов, оценки предлагаемых проектов, - выявил ряд проблем:

- Незрелость инфраструктуры: транспортной, энергетической, топливной.
- Незрелость малого и среднего бизнеса, обеспечивающего экономическую инфраструктуру региона в целом, его инвестиционную привлекательность.
- Отсутствие полноценного рынка жилья, продать которое крайне затруднительно, а в случае продажи трудно приобрести новое качественное жилье.
- Низкие доходы населения.
- Как следствие – низкая мобильность человеческого капитала. Американец в течение работоспособной части жизни меняет постоянное место жительства в среднем 13 раз, тогда как россиянин – 1,3 раза.
- Невостребованность инноваций – застарелая проблема не только современной России, но и СССР, и России дореволюционной. Судьбы Яблочкина, Сикорского, Зворыкина, многих других, чьи открытия не нашли поддержки в Отечестве, но оказались востребованными за рубежом, говорят о многом. Прежде чем говорить о инновационном развитии, выводящем к цивилизационному фронтиру, необходимо освоить передовые практики, заложить основу, background, инфраструктуру, делающую возможным реализацию инновации, снижение порога сопротивления ей, ее востребованность. Невостребованность инноваций перерастает в активное, а чаще пассивное сопротивление, потому что новое угрожает сложившемуся укладу, утратой рабочих мест, является вызовом компетентности широкого круга лиц и инстанций. Именно это и происходит в России, где по-прежнему определяющими являются установки на традицию, стабильность.

Любой инвестиционный проект должен быть привлекательным, учитывать возможные риски. В случае моногородов привлекательность и демпфирование рисков приобретает особое значение. Реализация проектов реструктуризации и развития экономики моногородов становится привлекательной для бизнеса при наличии трех акцентированно выраженных факторов: (1) развитой инфраструктуры; (2) развитого местного малого бизнеса; (3) мотивации (заинтересованности) местных органов власти и населения. При этом последний фактор решающий. Во-первых, местное руководство может занимать лукавую позицию, искажая объективную картину в надежде получить дополнительное финансирование. Не менее важно и, во-вторых, общественное мнение. У большинства местных жителей могут доминировать пассивно-потребительские настроения, требования сохранить устаревшее производство, просто «дать работу». Например, жители печально известного Пикалева отказывались ездить на работу в близлежащий Тихвин (5 минут езды автобусом), предпочитая ждать работу или перекрывать трассу, требуя приезда главы Правительства.

Эти проблемы, однако, представляют только внешние проявления более глубоких, даже – застарелых факторов, тормозящих конструктивную динамику развития.

Мешающие стереотипы

Самое главное – ***феномен самих моногородов***. Разумеется, в той или иной степени, они присутствуют в экономике любой страны, особенно – обладающей большой территорией, богатой различными природными ресурсами. Однако такого количества монопрофильных городов, как оставшегося РФ в наследство от советского прошлого,

больше нигде в мире нет. Моногорода производят четверть российского ВВП, в них сосредоточено также около четверти всего городского населения. Этим Россия радикально отличается от сопоставимых с ней по территории, плотности населения, богатству недр Канады, Австралии, Бразилии, США. В этих странах концентрация населения в мегаполисах на порядок больше, чем в России. И это общецивилизационный тренд – индустриализация – урбанизация – формирование массового информационного общества в мегаполисах, обеспечивающих концентрацию квалифицированного человеческого капитала, финансов, транспортной и информационно-коммуникативной инфраструктуры. Свыше 99% патентов в США получено именно в мегаполисах. Можно сказать, что количество моногородов, доставшихся в наследство России, – следствие недальновидной политики советского руководства, приведшей к распылению основных фондов и человеческого капитала. Причем, политики сознательной, строившейся на мифологии «политэкономии социализма» и «научного коммунизма» с их установками на стирание граней между городом и деревней, равномерного распределения производительных сил и т.д. Формирование и развитие рыночной экономики в современной России все быстро поставило на свои места. Рынок (инвесторы и человеческий капитал) быстро выбрали мегаполисы. Это наглядно иллюстрируют динамика строительства, развитие отечественного автопрома, в том числе – формирование «российского Детройта» в Санкт-Петербурге. Инвесторы не хотят начинать с нулевого цикла в степи или тайге, а идут туда, где есть развитая инфраструктура.

Не менее опасна инерция идеи ***второстепенности, вторичности социальной политики*** по отношению к экономике. Между тем, весь зарубежный опыт успешного решения проблемы моногородов (только за последнее десятилетие – города Рура в Германии, города провинции Рон-Альпы во Франции, ряд портовых городов Японии и Великобритании) свидетельствует о том, что ключом к реализации проектов и программ их реструктуризации и развития является особо кропотливая работа с их человеческим потенциалом. Это лишь подтверждает простую истину: люди не просто человеческие ресурсы, а источник, механизм и результат экономического развития. Это наглядно продемонстрировал опыт успешной модернизации практически лишенных природной ренты экономик (Япония, Сингапур, Тайвань). Да и большинство нобелевских премий в области экономики последних десятилетий получено за разработки именно социальных и социально-культурных факторов экономического развития.

С этим стереотипом связан и другой – о возможности решения проблемы ***инновационного развития экономики страны в целом***. Следует различать «инновационное развитие» и «развитие инноваций». Первое – некая внятная политическая стратегия модернизации общества, его экономики. Ярким примером такой стратегии является постколониальное развитие Сингапура. «Из третьего мира в первый» – как назвал книгу своих воспоминаний автор и реализатор этой стратегии Ли Куан-ю – глава правительства этой островной республики, за два десятилетия вышедшей к фронтиру мировой цивилизации.

Второе – связано с освоением новых технологий, дающих качественно новый уровень производительности труда и качества жизни. Полноценное инновационное развитие – проблема (а скорее – задача) микроэкономическая. Инициатор нововведения, просчитав риски, консолидировав возможные средства, имеет возможность реализации своего проекта. И за последствия своей инициативы он, как собственник, несет ответственность.

В этой связи, в дополнение к предыдущему – стереотип, а точнее – ***иллюзия изначальной инновационности бизнеса*** – мол, бизнес, в силу своей рыночной конкурентности, по самой своей природе ориентирован на инновации. Очень романтичная иллюзия. Бизнес затевается и ведется отнюдь не ради участия в конкуренции. Он ведется с целью получения – хотя бы временного – монопольного преимущества, чтобы за счет то ли качества продукта, то ли каких-то тонких отношений с властями, то ли за счет чего

еще, но из конкуренции выскочить. Даже развивающая бизнес-навыки известная многим с детства игра так и называется – «Монополия».

В этих условиях становится понятна и *роль государства*, задающего правовые рамки, обеспечивающего ПОЛИТИЧЕСКУЮ стабильность, охрану прав собственника, создавая равные условия ведения бизнеса, пресекая нечестную конкуренцию. Тем самым создаются условия формирования конкурентной среды, стимулирующей бизнес к инновациям. Если государство само начинает выступать в роли собственника, или создает преференции для «правильного» бизнеса доверенных лиц, бизнесу заниматься инновациями ни к чему. Наоборот, он оказывается заинтересованным в сохранении своего монопольного статус-кво, что с неизбежностью ведет к экономической стагнации. Исторических и современных примеров тому множество. Задача государства подобна хозяину, выгуливающему свою собачку. Та может рыскать в разные стороны, но общий курс, в т.ч. с помощью поводка, то удлиняемого, то укорачиваемого, выдерживает хозяин. Иначе говоря, речь идет о задании условий и рамок ДЛЯ модернизации, инновационного развития. Эта роль государства особенно важна в стадии перехода, трансфера экономики и общества.

Показателен в этой связи проект иннограда в Сколково под Москвой (что хорошо), с привлечением иностранного капитала и специалистов (что тоже правильно), но в проект закладывается принцип экстерриториальности, причем, как главное условие его успешности. Там будет действовать особый правовой, таможенный, налоговый режим. Для резидентов иннограда введены нулевые налоги на имущество организаций, на землю, транспорт, НДС, на прибыль. В Сколково будет своя, отличная от общероссийской милиция, ЖКХ будет заниматься специально создаваемая управляющая компания. При всей важности этого проекта нельзя не признать, что он ставит диагноз российскому государству, неспособному создать условия эффективного развития инноваций больше нигде, кроме как в этом небольшом кампусе.

Не менее искажает реальность и *«демократический стереотип»*, бытующее среди демократической и либеральной оппозиции мнение, будто для инновационного развития России необходима демократизация общества. Примеры Германии, Японии, Кореи, Чили, Испании, еще более ранние исторические примеры убедительно показывают, что нигде и никогда модернизация общества не осуществлялась за счет демократизации. Даже из теории и практики менеджмента хорошо известно, что любая реорганизация предполагает централизацию полномочий для реализации идеи проекта. Демократия, делегирование полномочий, являются результатом, в некотором смысле – итогом, продуктом создания рыночной экономики, конкурентной среды. Нужно только понимать, что такая стартовая централизация не может быть самоцелью, а тем более – использоваться в целях захвата и передела собственности, что, собственно, и происходит в России. Таким образом, проблема не в централизации, а в отсутствии «длинной воли» и «длинных мыслей» российского правящего класса, заигравшегося в собственность. Власть ради власти порождает коррупцию, не востребованность, а то и отторжение любой модернизации.

В этой связи, можно говорить о неадекватном отношении к *имперскому опыту и наследию*. Речь даже не о изучении успешного опыта модернизации России в петровских реформах. Эта модернизация дала такой импульс развития России, что плодами этого опыта мы пользуемся до сих пор. Петровские реформы – хороший пример «длинной воли». Они строились на основе заимствования передовых практик, ставке на науку и образование, формирование на этой основе новой (не только и не столько властной) элиты. Дело даже не в этом. Почти отсутствует само понимание исторической роли и значения, потенциала постимперской культуры, создающей качественно новый человеческий капитал, закладывающей основы открытого общества. Мы гордимся именно имперским прошлым, апеллируем к этому прошлому – уже невозможному, вместо

того, чтобы опираясь на социально-культурный потенциал, выработанный этим прошлым, строить уже новое общество.²

Малоконструктивными является и попытки решения проблемы моногородов исключительно на основе *государственно-частного партнерства*. Подавляющее большинство отечественных разработок и рекомендаций по решению проблемы моногородов, в конечном счете, сводят эти решения к реализации тех или иных форм партнерства государства и бизнеса. Однако ограничение только взаимодействием власти и бизнеса напоминает «диалог» двух глухарей на току, не замечающих, что за ними пристально наблюдает третий. В данном случае – общество. И обращение к российскому историческому опыту убедительно демонстрирует опасные последствия такого развития ситуации.

Ergo, роль социальной политики: институты и культура

Даже краткое проведенное рассмотрение показывает, что проблема моногородов, особенно в российских условиях – не столько экономическая проблема подтягивания государством определенных ресурсов. Это, прежде всего, проблема *реализации внятной социальной политики, системно развертываемой на корпоративном и региональном уровнях*. Причем, в данном случае (в масштабе моногорода) корпоративная социальная политика – как внутренняя, так и внешняя – оказывается практически в полном объеме социальной политикой региональной. И наоборот.

Оценка эффективности корпоративной социальной политики, в конечном счете, должна соотноситься с реальными потребностями общества, с социальным заказом. Иначе социальные инвестиции могут быть нецелесообразными – по номенклатуре и по объему. Выработка такого социального заказа – дело диалога бизнеса с местными властями и общественностью. Наличие такого социального заказа позволяет говорить об эффективности социальной политики как изменении реальных проблем ее породивших, а также вычленять долю (соотношение) целевого использования средств и организационных расходов. В регионах накоплен такой опыт (проведение слушаний, ярмарок идей и т.п.). Этот опыт нуждается в обобщении³ до выработки методики процедуры и механизма принятия социальных заказов и контроля их реализации.

Этот момент представляется особенно важным применительно к реструктуризации и развитию моногородов. Поэтому чрезвычайно важным оказывается разъяснительная, образовательная работа, создание активной, конструктивно настроенной позиции местного сообщества, его готовность к инновационному развитию, требующему зачастую серьезных личных усилий. Речь идет об использовании комплекса информационно-коммуникативных технологий по формированию ориентации населения на создание нового качества жизни. Социальные инвестиции в этом плане становятся точечным вливанием, инициализирующим запуск процесса развития, а точнее – саморазвития региона.

Важно понять, что речь идет не просто о пиаре в смысле пропагандистской накачки и манипулирования, а о реализации именно PR как Public Relations и Public Responsibility – взаимно-ответственного социального партнерства. Пренебрежение такой работой, с одной стороны, отношение к населению как ренте (человеческим ресурсам), помноженное на боязнь социального взрыва, как раз и чревато возможностями такого взрыва.

Важнейшими задачами являются привлечение внимания широкой общественности к наиболее эффективному опыту социальных инвестиций и социального партнерства; налаживание конструктивных социальных связей и отношений бизнеса с различными социальными группами рыночной и вне рыночной среды; оптимизация отношений с

² Подробнее см.: Тульчинский Г.Л. Постимперская культура как ресурс и барьер инновационного развития. // Философские науки. 2010, № 1, с.51-72, а также материалы Круглого стола «Культура как ресурс и барьер инновационного развития» в этом же номере журнала (с.13-83).

³ Социальное партнерство: Опыт, технологии, оценка эффективности. /Под ред. А.А.Нешадина и Г.Л.Тульчинского. СПб, 2009.

местными органами власти и общественностью; создание предпосылок конструктивного общественного диалога, консолидации общества на конструктивной основе. Несомненный интерес, в этой связи, представляет опыт корпорации СУЭК, фонда Евразия в ряде городов Сибири, когда социальные инвестиции по обеспечению занятости направляются не в бизнес, а на развитие человеческого капитала, ориентированного на поиск новых точек роста. Аналогично, уже реализуемый опыт реструктуризации Тольятти показывает, что конкретная целевая работа с населением (разъяснительная работа, переподготовка и повышение квалификации, предоставление льготных кредитов на переезд и приобретение жилья) приносит плоды. Люди безболезненно и даже с охотой семьями переезжают к местам новой работы. В данном случае – в тот же г.Тихвин.

Обобщение такого опыта дает методическую процедуру, конкретную технологию, выявляющую возможных участников социального диалога и партнерства, их операционализации, создавая, в конечном счете, некоторые условия наращивания тканей реального гражданского общества.

Таким образом, становится ясным, особенно на примере моногородов, что главной проблемой их модернизации и инновационного развития, как и всего российского общества, является вопрос о создании эффективных социально-культурных институтов социальной коммуникации и социального партнерства.